

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И. В. СТАЛИНА О РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Произведения товарища Сталина являются богатейшим арсеналом идейного оружия для всей советской науки в ее борьбе за торжество марксистско-ленинского мировоззрения. Советская историческая наука в борьбе с реакционной буржуазной идеологией обязана товарищу Сталину как гениальным развитием марксистско-ленинской методологии, так и гениальным разрешением крупнейших исторических проблем, относящихся к самым различным историческим эпохам. Одним из сталинских положений, сыгравших крупнейшую роль в развитии исторической науки, является учение товарища Сталина о революции рабов. Впервые в истории марксистской науки вопрос о смене рабовладельческой формации феодализмом получил исчерпывающее решение. Положение товарища Сталина о революции рабов как решающей силе, положившей конец античному способу производства и открывшей эпоху средневековья, дает единственно правильное решение вопроса о смене античности феодализмом.

Важность решения этой проблемы в советской исторической науке становится особенно понятной, если вспомнить о тех реакционных попытках в буржуазной историографии, которые делались для решения вопроса о причинах и характере перехода от древнего мира к средним векам. Эти попытки свидетельствуют лишь о методологической беспомощности буржуазной историографии, о реакционности ее политических идей, о ее стремлении исказить историческую действительность. Не говоря уже о мистических идеях круговорота от Вико до Эдуарда Мейера, который был „столпом“ буржуазной учености, каких только объяснений не давалось этой смене исторических эпох. Так, „просветители“ XVIII в. наивно объясняли эту смену воинственностью варваров и ослаблением старинного мужества римлян под влиянием восточной изнеженности или христианской проповеди смирения, а буржуазные историки-позитивисты XIX и XX вв. приводили не более глубокие и не более вразумительные объяснения. „Прославленный“ в буржуазной науке историк-экономист Макс Вебер видел причины падения Римской империи то в длительном мире, то в завоевании римлянами континентальных областей, то в деспотизме римских императоров.

Вопреки исторической действительности реакционная буржуазная наука эпохи империализма пыталась и пытается вообще отрицать революционный переход от древнего мира к средневековому. Для Фюстель де Куланжа весь общественно-политический строй средневековья вырос эволюционным путем из римских порядков с их господством частной собственности, крупного землевладения, с подчиненным положением народных

масс, с поместным строем и неограниченной монархией. Политический распад западноримской империи на ряд варварских королевств, по его мнению, был фактом, мало повлиявшим на весь ход исторического развития. Допш усиленно подчеркивал, что между древностью и средними веками не было перерыва в развитии культуры, не было „катастрофы“. Общественный строй германцев, пришедший на смену Римской империи, якобы ничем существенным от римского строя не отличался. Вопрос о смене античного общества средневековым „снялся“ в целях утверждения исконности частной собственности и эксплуатации человека человеком в целях „доказательства“ мирного эволюционного, но отнюдь не революционного характера исторического развития. Стоит вспомнить пресловутого фон Зека, дававшего расовое объяснение причин падения Римской империи. Эти бредовые идеи и до настоящего времени находят последователей среди англо-американских реакционных историков и социологов, которые выступают в роли оруженосцев империалистической реакции, пытающейся в наши дни повторить преступную попытку Гитлера добиться мирового господства.

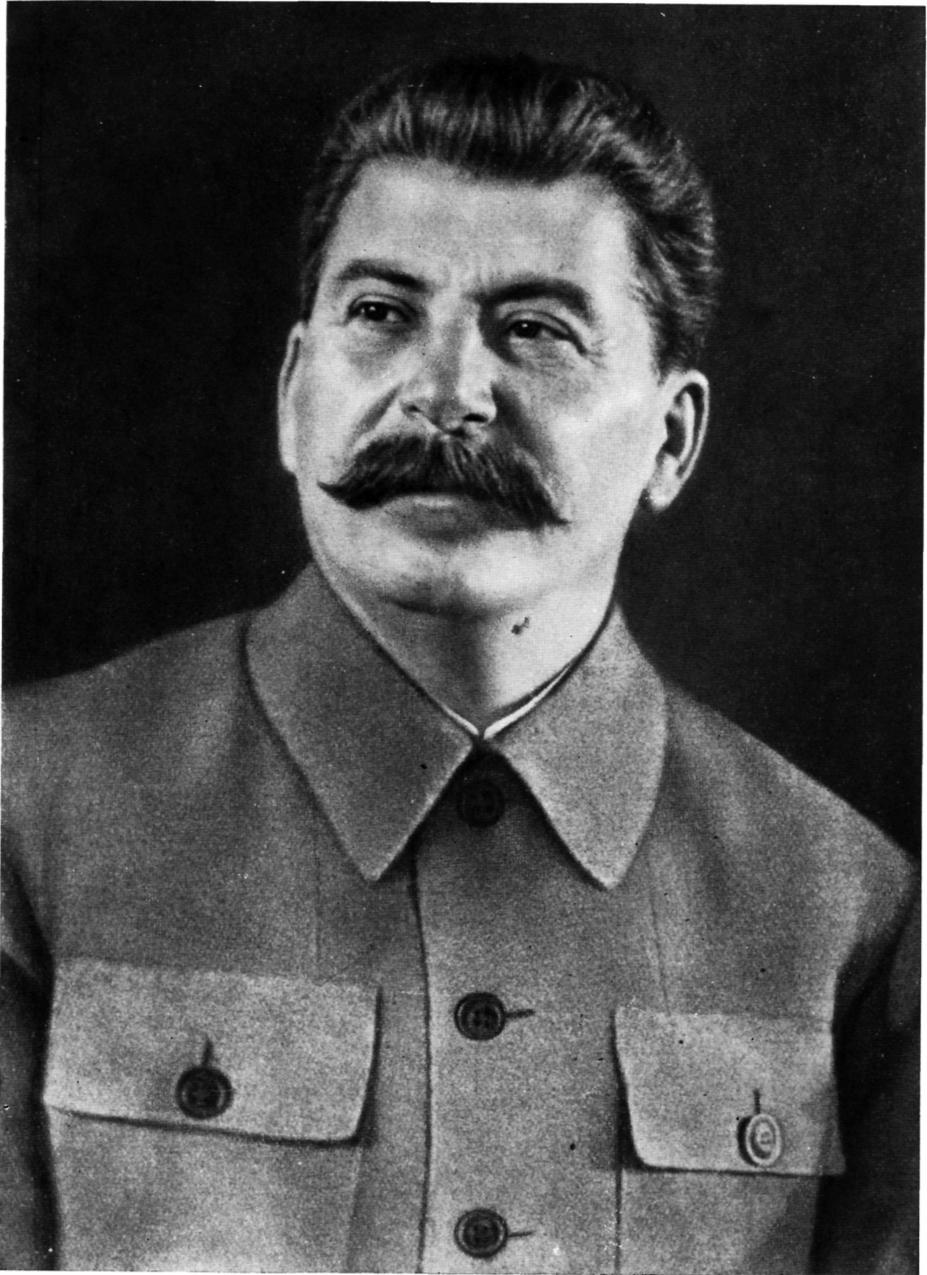
Было бы бесполезно перечислять все попытки буржуазной „науки“ найти ответ на вопрос, без разрешения которого непонятна ни древняя, ни средневековая история. Основная задача буржуазной науки — апология капитализма, основная цель — борьба с революцией, борьба с первым в мире социалистическим государством — Советским Союзом, борьба против мира и демократии.

Между тем марксистская историческая наука уже давно подошла к правильному разрешению вопроса. Энгельс в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ дал глубокий анализ причин упадка рабовладельческого строя, зашедшего в тупик, утратившего способность дальнейшего развития. Он ясно показал, что только полный переворот в общественных отношениях, полное крушение рабовладельческого строя могли дать выход из этого тупика. „Вывести из этого положения могла только коренная революция“,¹ — писал он. Вместе с тем, Энгельс разработал вопрос о роли варварского завоевания Западной Римской империи, показал, что это завоевание могло осуществиться лишь как результат внутреннего кризиса самого рабовладельческого способа производства. Энгельс вскрыл процесс формирования феодализма в Западной Европе, когда на место разрушенного рабовладельческого общества стал привнесенный варварами новый общественный строй, основу которого составляла свободная община, строй, в котором уже сложились определенные элементы, явившиеся в дальнейшем фундаментом для развития феодальных отношений.

Однако неразработанность документального античного наследия тогдашней исторической наукой не позволила Марксу и Энгельсу решить вопрос о роли революционного класса древности — рабов в крушении Римской империи. Учение о роли народных масс в революциях и в истории вообще, которое создали Маркс и Энгельс и которое они разработывали в применении к буржуазной и социалистической революции, не было распространено основоположниками марксизма на понимание революции при переходе от античности к феодализму.

Дополняя и развивая основные положения Маркса и Энгельса о переходе от античности к средним векам, товарищ Сталин ввел в марксистскую науку понятие революции рабов как основной силы,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 198.

M. G. S. S.

сокрушившей рабовладельческий строй и положившей начало феодальному строю. „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся“.² Это простое и ясное положение содержит исчерпывающее объяснение переворота, отделяющего античный мир от средневекового; оно позволяет понять решающую внутреннюю причину, приведшую к гибели рабовладельческого строя. Оно в то же время вводит принцип единства в вопросе о смене общественных формаций, показав, что эта смена совершается в результате революции основного производящего класса гибнущей формации: революции рабов — для рабовладельческой формации, революции крепостных крестьян — для формации крепостническо-феодальной, революции наемных рабочих — для капиталистической.

Товарищ Сталин указал и на другую сторону событий, на варварское завоевание, сыгравшее также крупную роль в крушении Римской империи. „... Не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим“.³ В сочетании с революцией рабов варварские завоевания явились одной из форм того переворота, который положил конец рабовладельческой формации и начал феодализму.

Эти указания товарища Сталина легли в основу исследований советских ученых, изучающих эпоху поздней Римской империи и раннего средневековья.

Советские ученые обратили особое внимание на революционные движения среди рабов, слившиеся в последние века существования Римской империи (III—V вв.) с движениями других угнетенных классов. Исследования советских историков показали широкое и повсеместное распространение рабских восстаний, далеко не получивших адекватного освещения ни в источниках, ни тем более в буржуазной историографии, всячески стремившейся скрыть, затушевать революционные выступления народных масс. Революция рабов не была кратковременным событием. Потребовался длительный исторический период в несколько веков прежде чем рабовладельческие порядки были окончательно сокрушены. „... Замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом“.⁴ Но нет почти ни одной области империи, для которой нельзя было бы найти в источниках указаний на соотрясавшие их в период перехода от античности к средневековью революционные движения рабов.

Исследования советских историков далее показали, что рабы — основной производящий и эксплуатируемый класс античной эпохи — могли выступать победоносно только в союзе с другими силами, заинтересованными в революционном взрыве рабовладельческой империи. Революционные движения рабов, не поддержанные или недостаточно поддержанные другими эксплуатируемыми классами, были обречены на неудачу. Рабы классического периода античного общества не ставили целью общую ликвидацию рабовладельческих порядков. Даже величайшее в классическую эпоху восстание рабов под руководством Спартака имело целью лишь освободить рабов от власти хозяев и вывести их на родину. Рабы не представляли себе, что условием их освобождения как класса являлось разрушение рабовладельческого способа производства. Интересы

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

³ Там же, стр. 432.

⁴ Там же, изд. 10-е, стр. 607.

свободного крестьянства в рабовладельческом мире не совпадали с интересами рабов, их восстания еще не сливались вместе. „Рабы... — говорит Ленин, — восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов“.⁵

Но на определенной стадии разложения рабовладельческого строя в рабовладельческом обществе возникают силы, которые делаются естественными союзниками рабов. Прежде всего происходит сближение общественного положения рабов и крестьян, интересы которых раньше мало соприкасались. Свободный ранее крестьянин (как арендатор, так и мелкий собственник) теперь все более превращается в прикрепленного к земле колона, „в раба земли“ (*servus terrae*). С другой стороны, значительную часть рабов начинают сажать на землю наподобие колонов (*quasi coloni*). Теперь восстание эксплуатируемых производителей выступает как восстание рабов и колонов, которые подвергаются одинаковой эксплуатации и объединены общностью интересов. Для посаженных на землю рабов и колонов целью восстания уже не может являться личное освобождение и уход из пределов империи, — их целью является освобождение не только личности, но и семьи, и „очага“, и земли, другими словами, полное преобразование всего общественного строя рабовладельческой империи. Восстания рабов в союзе с колонами стали более упорными, длительными и опасными для рабовладельческого общества, чем прежние восстания рабов. Они длились десятилетиями, подавленные, они вновь возрождались, фактически не прекращаясь с III в. вплоть до окончательной гибели рабовладельческой империи.

В это время у рабовладельческой империи появляется еще один опасный враг, выступающий вместе с тем как естественный союзник революционного движения рабов и колонов. Это — варвары. Концепция товарища Сталина о революции рабов в корне изменила и прежний взгляд на варварские вторжения.

Варварские вторжения теснейшим образом связаны с революцией рабов. Рабовладельческое общество нельзя представлять в отрыве от окружающей его варварской периферии, являющейся постоянным резервом несвободной рабочей силы. Хотя прекращение завоеваний и военное ослабление империи, обусловленное внутренним кризисом рабовладельческого строя, заставило рабовладельцев предоставить рабам право иметь семьи, что было тесно связано с переводом рабов на землю, и естественное размножение рабов стало источником пополнения рабочей силы, однако важнейшим источником ее оставались военнопленные. Иными словами, превращение свободных варваров в рабов оставалось характерным для рабовладельческой системы. Из варваров пополнялись и ряды колонов, убывавшие в результате бегства и восстаний. Варваров мы видим не только на границах империи, но и в самой империи, где они составляют значительную часть эксплуатируемых непосредственных производителей — рабов и колонов. Связь между варварами, из среды которых империя черпает рабов и колонов, и варварами, уже превращенными в рабов и колонов, не разрывается. Вторжения варваров вызывают, особенно на окраинах империи, ответные восстания рабов и колонов. Эти восстания облегчают варварам вторжения в империю. Варвары являются

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 375.

естественными союзниками рабов и колонов в борьбе с общим врагом — рабовладельческой империей.

Варвары с их специфическим общественным строем внедрялись в самую сердцевину рабовладельческого общества не только как эксплуатируемые рабы и колоны, но и как „охранители“ этого общества, — как военная сила империи. Со времен Аврелиана и особенно Диоклетиана численность армии в империи возрастает и состав ее меняется. Все большую роль в военных силах Оима начинает играть наемное варварское войско. Целые варварские племена поселяются на территории Римской империи, сохраняя свой общественный строй, своих вождей и королей. В то же время система поставки в армию рекрутов крупными землевладельцами вливает в войска империи недавних рабов и колонов. Этой-то армии и приходится в первую очередь подавлять восстания рабов и колонов, защищать рабовладельческое общество от своих естественных союзников и единоплеменников.

По мере нарастания революционной ситуации такое положение становится все более опасным. „Защитники“ господствующего порядка легко могут превратиться в его разрушителей. В ряде случаев мы наблюдаем отказ войск от расправы с восставшими рабами и колонами. Правда, многочисленные военные мятежи, особенно III в., не всегда были революционными движениями — движения солдат не всегда были связаны с движениями народа. Но что социальные мотивы в них начинают играть все большую и большую роль, не подлежит сомнению. Революция рабов могла получить и получила сильнейшую поддержку от римских войск и особенно от варваров, составлявших главную силу этих войск.

Сталинская концепция революции рабов заставила заново пересмотреть причины так называемого великого переселения народов. Стало ясно, что объяснение ему надо искать не в племенных передвижениях гуннов и готов, а именно в революции рабов. Не вторжения вестготов и других варварских племен привели к падению империи, а революция рабов послужила причиной падения рабовладельческой империи и вызвала варварские вторжения. При этом следует обратить внимание на одну характерную особенность большинства варварских вторжений: они начинаются не как военные вторжения, а как восстания. Обычно варвары сами рассматривали свои „завоевания“ империи как освобождение от римского ига. Вспомним хотя бы пролог к Салической Правде. Почти все племена, разделившие между собой территорию Западной Римской империи, были сначала федератами империи, а потом восстали против нее.

Товарищ Сталин указывает, что революция рабов не привела и не могла привести к освобождению рабов. Она ниспровергла рабовладельцев и рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся, но это не означало торжества того строя, к установлению которого стремились угнетенные массы Римской империи и за сохранение которого боролись массы варваров. На место рабовладельцев были поставлены крепостники, на место рабовладельческой — крепостническая форма эксплуатации трудящихся. В варварском обществе во времени крушения империи уже сложились предпосылки феодальных отношений — родовая военная знать, эксплуатация рабов в той специфической форме, которую описал Тацит, военные дружины, зачатки государства, опирающегося на знать. „Завоевание“ и поселение на территории империи варваров значительно усилили эти предпосылки. Они превратили знать в крупных землевладельцев, эксплуатирующих труд рабов и колонов, поставили в подчиненное положение местное население, усилили королевскую власть, создали вскоре союз варварской знати с церковью и с остатками римской знати. Где скорее,

где медленнее шел процесс превращения свободных землевладельцев, вышедших из варваров-поселенцев, в крепостных крестьян.

Таковы основные черты революции рабов в Западной Римской империи. Но какова она на Востоке? И сейчас приходится слышать вопрос: была ли революция рабов в Восточной Римской империи? А если была, то почему она не разрушила ее, как Западную Римскую империю? Несомненно, то разрешение, которое дал товарищ Сталин вопросу о смене рабовладельческого строя феодальным, целиком относится и к Восточной Римской империи. Однако, если на Западе революция рабов приходится главным образом на IV—V вв., то на Востоке она сильно затянулась и решающий период революции приходится на конец VI и начало VII в.

Причины этой затяжки революции коренятся в специфических особенностях социально-экономического развития Востока. Восточная Римская империя, включавшая наиболее экономически развитые области, была значительно богаче Западной. Глубокий экономический упадок, связанный с общим кризисом рабовладельческого способа производства, который в IV—V вв. охватил Западную Римскую империю и вызвал падение городской жизни, захирение ремесла и резкое сокращение торговли, несколько меньше отразился на Востоке. Казна была богата, господствующие классы города и деревни были больше связаны и экономически и политически и были гораздо более способны защищать существующий строй от революции, грозившей как изнутри, так и извне. Особенно важно, кроме того, что на Востоке рабовладельческий строй достиг несколько меньшего развития. Здесь в больших масштабах сохранилась община, а также значительно раньше, чем на Западе, возникли отношения колонатного типа. Поэтому противоречия, раздиравшие рабовладельческий строй на Западе и приведшие к революции рабов, на Востоке сказывались в несколько своеобразной форме. Все это лишь видоизменило, но отнюдь, конечно, не могло предотвратить неизбежный кризис рабовладельческого способа производства, и следовательно революции рабов в Восточной Римской империи.

Первый тур революции в Восточной Римской империи начинается в конце IV в. грандиозным восстанием вестготов на Дунае, слившимся с восстанием рабов и колонов Балканского полуострова. Буржуазные историки, стремясь скрыть революционный характер этого движения, трактуют его обычно как военный мятеж, „солдатский бунт“ готов и говорят лишь о „помощи“ вестготам со стороны рабов и колонов. Анализ источников (Аммиан Марцеллин, Зосим, Амвросий Медиоланский, Григорий Нисский и др.) показывает, что восстание вестготов не носило характера военного „солдатского“ мятежа, а являлось широкой народно-освободительной войной поселенных на римской территории и поработанных римскими рабовладельцами варварских масс.⁶ Но в то же время оно дало сигнал общему восстанию рабов и колонов в Дунайских провинциях и послужило опорой в их освободительной борьбе. С самого начала это восстание имело ярко выраженный антирабовладельческий революционный характер, а силу и размах движению придало его слияние с революционными выступлениями рабов и колонов. О размерах движения свидетельствует и то, что восстание, начавшись на Дунае, чрезвычайно быстро перебросилось в Мезию и Фракию и охватило большую часть Балканского полуострова. Это могло произойти лишь потому, что восстание вестготов послужило искрой, воспламенившей

⁶ Разработка вопроса о восстании вестготов принадлежит А. Д. Дмитреву в его докторской диссертации, посвященной революции рабов в Западной империи.

пожар революционной войны среди рабов и колонов Балканского полуострова и туземного фракийского и мезийского населения, порабощенного римлянами. Восстание носило стихийный характер. Народный гнев со страшной силой обрушился на поработителей. Аммиан Марцеллин, хотя и враждебно настроенный к движению, рисует потрясающую картину этого народного гнева: „Знатнейшие римские мужи, матроны, юноши и девушки уводились за Дунай как рабы, их гнали бичами, связанных, как диких зверей, а они были недавно богаты и свободны. Вмиг лишились богатые и семьи и дома, тлевшего в пепле.“⁷ Битва при Адрианополе, истребившая „цвет“ римского войска, передала провинции в руки восставших и явилась кульминационным моментом революции на Дунае.

Одновременно с революцией на Дунае вспыхивает широкое и столь же опасное для империи восстание рабов и колонов в Малой Азии. Это движение было особенно опасно еще потому, что посланные на усмирение восстания варварские войска перешли на сторону восставших. Революционное брожение охватило и восточные провинции империи — Сирию, Палестину, Египет, где ожесточенная классовая борьба часто принимала формы религиозных ересей. Восточная Римская империя была на краю гибели. Однако широкое революционное движение на Балканах, в Малой Азии и в других частях государства привело к сплочению всех сил рабовладельческой Восточной Римской империи вокруг правительства Феодосия. Рабовладение на Востоке оказалось еще достаточно сильным, чтобы вынести даже такой мощный удар, какой был нанесен революционным взрывом конца IV в. Да и сам кризис рабовладельческого способа производства на Востоке в конце IV—начале V в. был еще не таким острым, как на Западе. Рабовладельческая верхушка Восточной Римской империи была еще достаточно могущественной для борьбы с этой волной революции рабов и колонов.

Стойкость рабовладельческой верхушки объясняется ее гораздо большей сплоченностью, чем на Западе, и ее тесной связью с торговыми слоями города. Восток не знал такого катастрофического спада производительных сил, возвращения к натуральному хозяйству, упадка городов, дробления страны на хозяйственно замкнутые мирки, которые отмечают кризис рабовладельческого строя на Западе. Рабовладельческий мир Запада хозяйственно и политически распался еще до окончательного своего распада на „варварские государства“. В Восточной Римской империи крупное земельное владение не превратилось в самодовлеющий хозяйственный организм, покупающий лишь предметы роскоши и не связанный с городом и рынком. Здесь крупные землевладельцы были живейшим образом втянуты в торговый оборот империи, так как большие города нуждались в значительном количестве сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, на Востоке были сильные группы, заинтересованные в сохранении экономической и политической цельности империи, в сохранении рабовладельческого строя.

Все это привело к тому, что первая волна революции рабов и колонов в Восточной Римской империи в конце IV—начале V в. была подавлена. Больше того, господствующие классы Восточной Римской империи не только перешли в наступление против революции рабов и колонов у себя, на Востоке, но и попытались задушить, опираясь на остатки рабовладения, победоносную революцию на Западе. В ярком свете гениальной сталинской концепции революции рабов и колонов вся деятельность Юстиниана предстает перед нами совершенно по-новому — как

⁷ Аммиан Марцеллин, XXI, 8, 7, 6.

последняя попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс, потрясавшее Восточную, захлестнувшее и сокрушившее Западную Римскую империю.

В буржуазной историографии господствует традиция всячески идеализировать и восхвалять правление императора Юстиниана. Политический смысл этой идеализации совершенно ясен: это — стремление возвеличить Юстиниана как защитника крепкой монархической власти и христианской религии, хранителя „прочных“ устоев римского рабовладельческого государства. Для историка-марксиста Юстиниан, этот „прославленный“ воспитатель былого могущества Римской империи, прежде всего — душитель революции угнетенных масс, потопивший в море крови восстания константинопольского плебса, жестоко подавлявший все и всяческие проявления революционного движения в Византии, властитель, претендовавший сыграть роль душителя революции рабов и колоннов в Западной Римской империи. Войны Юстиниана в Северной Африке, Италии и Испании представляют собой попытку реставрации рухнувшего на Западе рабовладельческого строя, прямое вмешательство в дела западных варварских государств, вызванную не столько проiscaми эмиграции, сколько в первую очередь страхом перед совершившейся на Западе революцией. Точно так же и вся внутренняя политика этого императора, его „прославленное“ законодательство преследовали одну цель: укрепить распадавшийся под ударами революции рабовладельческий строй и подавить эту революцию. Недаром автор анонимного трактата о военном деле конца VI в. писал, что „законодательство в Римской империи преследует одну цель — предотвращение восстаний“ (στάσις),⁸ Замечательным памятником этого мрачного царствования является „Тайная история“ Прокопия, рисующая потрясающую картину бедствий народных масс.

Однако наступление рабовладельческой контрреволюции в VI в. вызывает упорное и ожесточенное сопротивление угнетенных масс. Население завоеванных Юстинианом областей с ненавистью встречает византийские войска, несущие с собой реставрацию рабовладельческих порядков. В Италии под знаменем Тотилы против интервентов, вместе с готами, сражались рабы и колонны. Весь ход исторического развития вел к неминуемой гибели рабовладельческого способа производства под ударами революции рабов и колоннов, и поэтому завоевания Юстиниана, столь прославленные буржуазными историками, на деле не могли быть не чем иным, как лишь временной победой рабовладельческой реакции, хартией которой была Прагматическая санкция 554 г.

Несмотря на внешний «блеск» завоеваний, рабовладельческая реакция лишь истощила силы Восточной Римской империи, ослабила ее обороноспособность, окончательно разорила население непосильными поборами. Ведь даже период наивысшего напряжения, наибольших „успехов“ рабовладельческой реакции — период правления Юстиниана — отмечен почти непрерывными восстаниями. Кто бы ни руководил этими восстаниями, какие бы привходящие цели они себе ни ставили, они могли быть массовыми, могли увлечь за собой народные массы лишь в том случае, если эти массы видели в восстаниях выход из того невыносимого положения, в которое ставила народ рабовладельческая система эксплуатации. А при преемниках Юстиниана количество восстаний, их напряженность, размах непрерывно растут. Они вспыхивают во всех концах государства. Рабовладельческая империя теряет свои приобретения на Западе и свои

⁸ Цит. по книге Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.“ М. — Л., 1946, стр. 116.

земли на Севере и Востоке. Начинается ее агония. С конца VI в. в Восточной Римской империи развертывается второй и последний тур революция рабов и колоннов, ее решающая и победоносная стадия.

В течение VI и VII вв. области Восточной империи непрерывно потрясаются народными восстаниями, однако эти восстания предстают перед нами в источниках в сильно искаженном виде: одни современные авторы видели лишь их поверхность, не умея понять их глубокую социальную сущность, другие сознательно стремились скрыть их революционный характер. Эти восстания выступают перед нами то как династическая борьба, то как сепаратистские стремления провинций, как столкновения „партий цирка“ или (очень часто) как религиозная борьба. И все же в источниках совершенно отчетливо просвечивает социальное содержание всех этих событий: напряженная борьба между отживающим рабовладельческим обществом и государством и угнетенными эксплуатируемыми классами, в первую очередь рабами и колоннами. Трудящиеся массы империи — рабы и колонны — принимают в них непосредственное участие. Современные этим грозным событиям источники (Феофилакт Симокатта, Иоанн Никлаусский, хроники, агиографическая литература) свидетельствуют о широком размахе революционного движения в Византии в конце VI — начале VII в. Так, Иоанн Никиусский сообщает о ряде крупных восстаний в Египте в правление императора Маврикия. Восстание охватило большую территорию. Восставшие, ядро которых состояло из колоннов, рабов, крестьянской бедноты, вели ожесточенную войну с правительством, их поддерживали моряки нильской флотилии. Восставшие совершили даже вооруженное нападение на остров Кипр. О размахе движения свидетельствует то обстоятельство, что для его подавления правительство должно было стянуть войска не только из Александрии и всего Египта, но и из Нубии.⁹ Восставшие проявляли необычайное упорство, предпочитая умереть, но не сдаться. О революционном движении в Египте сообщает Феофилакт Симокатта и другие источники. Революция рабов и колоннов охватила также Сирию и Палестину и с особой силой развернулась в придунайских областях, сливаясь с движением в армии. Последние годы VI в. отмечены непрерывной цепью восстаний в византийской армии, сливавшихся с движением угнетенных масс.

Революционные выступления, открытая гражданская война продолжают и в VII в., охватывая ряд провинций империи — Киликию, Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет, часто переплетаясь с религиозной и династической борьбой. В революции на Востоке принимают участие различные общественные группы, но основная движущая сила их — угнетенные массы рабов и колоннов. В движении участвуют также люди, бежавшие от невыносимого гнета рабовладельческой эксплуатации и государственных налогов, соединявшиеся в целые отряды, ведущие упорную войну с правительственными войсками, поддерживавшие неугасимое революционное брожение в разлагавшемся рабовладельческом обществе. В революционных движениях принимает, как мы видели, прямое участие и армия, которая состояла из солдат, набранных среди широких народных масс империи, а также из союзников революции рабов — варваров.

Все эти явления достаточно хорошо известны и в истории гибели Западной Римской империи. Но в Восточной Римской империи выдвигается еще один элемент, который лишь очень слабо проступает в истории Запада, — это народные массы города. В противоположность

⁹ Jean de Nikio u. Chronique publié et traduit par Zotenberg, Paris, 1883. p. 532.

Западу, где мы наблюдаем полный упадок городской жизни и возвращение к натуральному хозяйству, на Востоке, несмотря на тяжелый кризис всей рабовладельческой системы, город сохранял свое экономическое и политическое значение и поэтому массы городских рабов и городской бедноты сыграли большую роль в революции. Революционные движения димов, сложность классового состава которых все более выясняется в трудах советских ученых,¹⁰ занимает виднейшее место в революции, которая положила конец рабовладельческому строю в Восточной Римской империи.

Буржуазные историки всячески старались затушевать глубокую революционность этого периода византийской истории, изображая его как время династической борьбы, как период чисто внешних вторжений тех или иных племен и народов, приведших к упадку византийского могущества. Сталинская концепция перехода от античности к средневековью наносит смертельный удар всем этим псевдонаучным потугам буржуазной историографии. В свете сталинской концепции советские историки смогли раскрыть в этом „кризисе VII в.“ его действительную социальную сущность — второй тур революции рабов и колоннов и показать прогрессивное значение этого кризиса в дальнейшем развитии Византии.

Так же как и на Западе, революция рабов и колоннов и в Восточной Римской империи слилась с движением варваров, в первую очередь славян. Сталинская концепция этой революции дала возможность советским историкам отчетливо показать, что вторжение славян в VI—VII вв., основание ими славянских государств на территории Восточной Римской империи, заселение ими большей части Балканского полуострова и значительных районов в Малой Азии сыграли такую же роль в истории Византии, как вторжение варварских племен в истории Западной Европы. В свете этой гениальной концепции стало ясно, что так же как в истории Западной Европы, это „вторжение“ не может быть понято без революции рабов.

Необходимо в то же время отметить, что не одни славяне наносили удары Восточной империи в VI—VII вв. в союзе с рабами и колоннами. Большое значение для судеб рабовладельческой империи имели и вторжения восточных народов, особенно арабов. Эти вторжения, тоже сливавшиеся с революционным движением в империи, привели к потере Византией ряда восточных провинций и вместе с тем оказали известное влияние и на изменение ее общественного строя. Однако бесспорно, что наиболее важную, поистине решающую роль сыграли именно славянские племена и народы.

Роль славянских завоеваний и славянской колонизации Балканского полуострова и Малой Азии была с особой глубиной выявлена советскими учеными. Несмотря на попытки реакционной науки буржуазного Запада умалить значение этих явлений, изучение источников все более раскрывает глубину изменений, внесенных славянами в общественный строй империи, расшатанный, а местами и полностью разрушенный революцией рабов и колоннов. Славяне заняли территорию Восточной империи гораздо более плотным слоем, чем „германцы“ (понимая здесь и те племена, с которыми были смешаны германцы) — Западную империю. Слова Константина Багрянородного о том, что вся Греция ославянилась, не следует

¹⁰ См. А. П. Дьяконов „Византийские димы и факции“, „Византийский сборник“ М. — Л. 1945; Н. В. Пигулевская „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.“ М. — Л. 1946; М. В. Левченко „Вететы и прасины в Византии в V—VII вв.“ „Византийский временник“ т. I (XXVI), М., 1947.

считать преувеличением. Если империя осталась в основном греческой по языку и культуре, то это ничего не говорит об ее этническом составе: ведь и на территории Западной Римской империи почти нигде (если не считать окраин) не сохранились ни германские языки, ни германская „культура“ (вопреки утверждению германских шовинистов, что Европа в раннем средневековье стала „германской“). Но основное, что нас интересует здесь, это не этнический вопрос, а вопрос о социальном строе, который установился в империи в результате второго тура революции и заселения ее территории славянами. Не подлежит сомнению, что революция рабов и тесно связанная с нею славянская колонизация совершенно изменили социальный строй Восточной Римской империи. На огромных территориях Балканского полуострова крупное светское землевладение, основанное на труде рабов и колонов, было в значительной части ликвидировано революционным выступлением масс. Да и там, где оно уцелело, землевладельцы вынуждены были отказаться от старых форм эксплуатации трудящихся. На очищенных от рабовладельческого крупного землевладения территориях, зачастую рядом с ним, устанавливалась свободная крестьянская община, лучше всего засвидетельствованная замечательным памятником VIII в. — „Земледельческим законом“. Следовательно, революция рабов в Византийской империи и славянское вторжение тоже привели к широкому распространению свободной крестьянской общины — марки. Если на Западе между античным колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин (Энгельс), то на Востоке это место занимал свободный славянский общинник.

Но, как и на Западе, общественный строй, основанный на свободной общине, оказался недолговечным и в самом начале уже носил элементы разложения и образования нового общественного строя — феодального.

Несомненно, следовательно, что в Византии в конце VI — начале VII в. развернулся второй и победоносный тур революции рабов, колонов и угнетенных масс города в союзе с варварами, революции, не менее сильной по своим масштабам, не менее острой по формам борьбы угнетенных масс, не менее значительной по результатам, чем на Западе.

Поэтому на основные поставленные нами выше вопросы, пережила ли Византия революцию рабов и привела ли эта революция к смене рабовладельческого строя феодальным — мы, бесспорно, можем ответить утвердительно.

Решительно отвергая излюбленное буржуазными учеными противопоставление Византии Западной Европе, противопоставление, продиктованное „европоцентризмом“ (т. е. по существу расизмом) буржуазной историографии, и выявляя общие закономерности исторического процесса, мы вместе с тем с не меньшей силой должны подчеркивать и своеобразие, особенности проявления этих закономерностей в конкретном развитии тех или иных народов.

Революция рабов на Востоке имеет свои специфические особенности, корнящиеся в особенностях социально-экономического и политического развития Византии. На первый взгляд кажется, что революция рабов, уничтожившая рабовладельческую Римскую империю на Западе, не имела таких решительных результатов на Востоке. Восточная Римская — „Ромейская“ — империя продолжала существовать еще почти тысячу лет после того, как рухнула Западная. Сильно сократившаяся в объеме, она сохранила, однако, и императорское самодержавие, и многое из прежнего административного строя, и высокую культуру, подвергшуюся такому

полному разгрому на Западе. Действительно, революция рабов приняла несколько иные формы на Востоке, чем на Западе, но внесенные ею перемены были не менее глубоки.

Первое, более всего бросающееся в глаза, но, как увидим, отнюдь не наиболее существенное отличие революции рабов в Восточной Римской империи по сравнению с Западной заключается в том, что Восточная Римская, или Византийская, империя не прекратила своего существования, как Западная, распавшаяся на ряд варварских государств. Но действительно ли эта разница так глубока? И в каком смысле приходится говорить о существовании Восточной Римской империи после „кризиса“ VI—VII вв.? Та ли это рабовладельческая империя, какой она была при Юстиниане?

Начать с того, что большая часть прежней Восточной Римской империи была потеряна в конце VI и в VII в. Были потеряны все завоевания рабовладельческой реакции при Юстиниане: большая часть Италии, владения в Испании, Северная Африка. Оставшиеся номинально под властью Византии части Италии фактически становились все более независимыми, таяли, подвергались варваризации. Арабами были завоеваны важнейшие части империи в Азии и Африке. Земли от Дуная до Балкан были заняты болгарами, сербами, хорватами. Были потеряны Армения, Лазика. К концу VII в. в руках византийских императоров не осталось и трети тех территорий, которые когда-то составляли империю Юстиниана. Остальные ушли из-под власти византийского правительства, как ушли все земли Западной Римской империи.

А что произошло с оставшейся частью Восточной Римской империи, сохранившей свое имя „империи ромеев“? Как мы видели, она подверглась под влиянием революции и славянской колонизации глубочайшим социальным переменам.

Зародыши феодального строя стали складываться уже в рабовладельческом обществе Римской империи как на Западе, так и на Востоке. Незачем останавливаться на таких общеизвестных явлениях, как развитие колоната, помещение рабов на земельных участках, развитие патронатных отношений, рост частной власти, иммунитета, вотчинной юрисдикции, частных военных сил уже в III—V вв. Феодальные отношения складывались и у варваров в виде развития родовой и военной, а потом и служилой знати, дружин, особых форм эксплуатации рабов. Как и на Западе, эти начала быстро возобладали над свободным общинным строем.

Вторым, уже существенным отличием революции рабов на Востоке от революции на Западе является более длительное и более значительное по своим масштабам сохранение в Византии остатков рабовладения. Но это объясняется не столько менее сильным развертыванием на Востоке революции рабов или не менее значительным влиянием общественного строя варваров, сколько гораздо большей силой и живучестью рабовладельческого строя на Востоке. Рабовладельческому строю, нашедшему здесь силы для того, чтобы отразить натиск революции рабов и варварских завоеваний в IV—V вв., сумевшему перейти в контрнаступление в VI в., был нанесен смертельный удар революцией рабов и колоннов и вторжением варваров в VII в. Однако некоторые пережитки рабства сохранились в больших размерах, чем на Западе.

Элементы рабовладельческого строя, как известно, не были до конца истреблены и на Западе, они и там оказали определенное воздействие на развитие феодальных отношений. Крупное римское землевладение, рабство как юридическое и бытовое явление не были окончательно сметены революцией рабов и варварскими завоеваниями и на Западе, они

и только продолжали там существовать, но и оказали некоторое влияние на порядки крупного землевладения, сложившегося у варварской знати. Рабы (как римские, так и варварские) вошли как один из важных элементов в состав крепостного крестьянства — основного производящего класса феодального общества, — и этот элемент еще не вполне растворился в крестьянской массе, что нашло отражение и в памятниках IX в.

Рабовладельческий строй оказался еще более стойким на Востоке. Здесь он в большей степени оказал влияние на развитие феодальных отношений и придал им своеобразную окраску. В связи с этим рабство сохранилось в Византии гораздо дольше, чем в Западной Европе. Широко известно, что рабский труд играл известную роль в сельском хозяйстве и особенно в ремесле в Византии еще в X—XIII вв. Однако он сохраняется лишь как пережиток рабовладельческих отношений внутри феодальной формации.

Третьей особенностью революции рабов на Востоке является сохранение после этой революции в значительно больших масштабах, чем на Западе, крупного землевладения. Это относится главным образом к областям, не занятым славянами, в частности к Малой Азии, которая в последующие века остается страной крупного землевладения.

Четвертой, весьма важной отличительной чертой революционного перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному в Византии является то, что в Восточной империи после „кризиса“ VII в. в значительно большей степени, чем на Западе, сохранились города, развитое ремесло и торговля.

Значение городов на Западе в последние века империи сходило на-нет. Их социальная и политическая роль кончилась раньше, чем они были разрушены варварами. Несмотря на все потрясения VII в., Византийская империя сохранила свои города и прежде всего Константинополь как центры промышленности и торговли. Итак, моментом, наиболее отличающим Византию от феодализирующегося Запада, были развитая городская промышленность и широкая внешняя торговля.

Необходимо, наконец, отметить еще одно отличие Византии от Западной Европы: сохранность в Византии античного культурного наследия и его дальнейшая переработка в новой общественной обстановке, в то время как в Западной Европе еще долго царил мрак невежества. Новые работы советских ученых показывают, что распространенные в буржуазной историографии воззрения на упадок византийской культуры, якобы имевший место в VII—VIII вв., лишены какого-либо серьезного основания. Реакционная буржуазная историография, фальсифицируя историю, стремится приписать упадок культуры на Западе народным восстаниям или варварским завоеваниям, вопреки неоспоримому факту, что этот упадок начался раньше и был связан с общим кризисом рабовладельческого хозяйства и особенно с упадком городов. Не менее рьяно современная американская и западноевропейская буржуазная историография, особенно католическая, стремится приписать сохранение старых культурных ценностей как на Востоке, так и на Западе христианской церкви. Сохраняя в своих интересах известные элементы письменности, церковь была гораздо более врагом, нежели хранителем античного культурного наследия, и сохранность его в Византии объясняется в первую очередь тем, что там уцелели города, сделавшиеся центром высокой светской культуры.

Таким образом, в силу ряда указанных особенностей экономического и социального развития Востока революция рабов приняла здесь

своеобразные формы. Сохранилось, хотя и после многих потрясений и в очень урезанных границах, политическое единство империи, сохранилось в большей степени, чем на Западе, рабовладение, уцелели торговые и промышленные города, центры высокой светской культуры. Все это не является, однако, показателем неполноты совершившегося переворота.

Итак, мы видели, что революция рабов и колонов в Восточной империи имела ряд своеобразных черт, отличающих ее от революции на Западе. Однако социальное содержание перехода от рабовладельческой формации к феодальной как на Западе, так и на Востоке было единым: это была революция основного производящего и угнетенного класса древности — рабов в союзе с колонами, варварами, городской беднотой, со всеми поработанными и угнетенными классами Римской империи.

Специфические особенности, отдельные черты различия революции на Востоке по сравнению с Западом отнюдь не меняют ее социального содержания и не являются только ей присущими. Все однотипные по своей социальной сущности революционные перевороты в истории имеют свои специфические особенности, присущее им своеобразие, окрашены в особые тона, что стоит в прямой связи с общественными условиями, в которых они происходят. Вспомним хотя бы то, что французская буржуазная революция конца XVIII в. во многом весьма существенным образом отличалась от английской революции XVII в. Английская революция, как подчеркнул Маркс, была значительно более „консервативной“, чем революция французская, что непосредственным образом зависело от особенностей социально-экономического развития Англии, расстановки классовых сил и ряда других причин. Но там и тут социальная сущность событий была одинаковой. И там и тут это была буржуазная революция, приведшая к смене феодального общества капиталистическим.

В заключение необходимо остановиться еще на одной существенной стороне вопроса о революции рабов и колонов. Иосиф Виссарионович Сталин в своих замечательных высказываниях подчеркивает не только значение революции рабов как общественного скачка, приведшего к переходу от одной формации к другой, но вместе с тем показывает и неизбежную ограниченность, односторонность этой революции. Товарищ Сталин, указывая, что революция рабов „ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации...“, не оставляет в тени и другую ее сторону, а именно, что „вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами“.¹¹ Больше того, товарищ Сталин подчеркивает односторонность всех революций в истории до Великой Октябрьской социалистической революции и показывает коренное, принципиальное отличие революционных переворотов прошлого от пролетарской, социалистической революции.

„История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить **всякую** эксплуатацию и ликвидировать

¹¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

всех и всяких эксплуататоров и угнетателей".¹² Эти гениальные слова товарища Сталина, подчеркивающие ограниченность революций прошлого, всецело могут быть отнесены к революции рабов и колонов в Восточной Римской империи.

Гениальная сталинская концепция революции рабов является для советской исторической науки основным руководящим методологическим положением в дальнейшей разработке и конкретизации, на основе данных источников, проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Советские византинисты немало трудились и трудятся над разработкой этой проблемы и достигли в этом отношении некоторых результатов. Однако дальнейшее углубленное и развернутое изучение проблемы революции рабов и колонов на Востоке и по сей день является одной из важнейших задач советского византиноведения.

¹² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

